

Рязанцев Всеволод

Сквозь броню: повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Р.**
Сквозь броню: повесть / Рязанцев Всеволод – М.: Книга по Требованию, 2026. –
204 с.

ISBN 978-5-519-84281-5

ISBN 978-5-519-84281-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О молодость, привет тебе, привет!
И в тяжко-рабские ты не зачала годы:
Ты, чуткая к дыханию свободы,
Готовилась к борьбе за волю, мысль
и свет.

I

Вечер. Легкий морозец. Небо задернуто темносерыми облаками. Обширный двор погружен в холодный мрак. Лишь у ворот тускло мерцает керосиновый фонарь. Его скудный свет лег бледножелтой полосой на деревянный двухэтажный дом владельца суконной фабрики Лазина. Направо от ворот буквой П чернеет в темноте фабричный корпус. Слева — двухэтажное здание, внизу жилое помещение, вверху ткацкие ручные станки. В глубине двора под липой сидит Артем Чинков. Сюда он приходит каждый вечер. На нем молескиновая старая поддевка, кожаные сапоги, на голове летний картуз. Пожимается, вздрагивает от холода, но вряд ли замечает это. Все его мысли и чувства сосредоточены на одном: не пройдет ли Катя, прозванная за нежную белизну лица «Беляночкой-дворяночкой». Она ему очень нравится...

Скрипнула дверь. В морозном воздухе раздаются легкие хрустящие шаги. Артем настораживается. Шаги все ближе и ближе, наконец совсем уже рядом.

— Катя!

Девушка останавливается.

— Как напугал!.. Это ты, Артем?

— Куда идешь?

— В ткацкий корпус, к Маше.

— Присядь на минутку!.. Скушно одному.

Катя, не раздумывая, садится рядом, жалуется:

— Стужа такая, а спальни топят жидко. Ночью никак не согреешься...

— Да, — соглашается Артем, — фабричная жизнь, действительно... — И сейчас же круто изменяет разговор: — Слышишь, какой над городом гуд?..

— Вот так же на мельнице в полую воду, — говорит девушка и с грустью прибавляет: — В городе все по-иному, разговор не как у фабричных.

— Верно, Беляночка, потому и язык у нас суконный, что мало читаем.

Девушка рассмеялась:

— Чудачок ты! Я неграмотная.

— Да ну! Разве в вашем селе школы не было?

— Была. Но мне-то было не до ученья. Даже хаты своей не имела.

Тихонько мурлычет:

Уродилась я, как в поле быльник...

— Я тоже с восьми лет — и подпаском был, и в поле работал. А как школу кончил, в одиннадцать лет, по-настоящему влез в хомут... — Артем придвигается ближе, говорит с воодушевлением: — Хочешь учиться? Живо поймешь. В две-три недели научишься читать. — Обнимает за талию. — Хорошие есть книжки: «Юрий Милославский», «Князь Серебряный»... Занятно, не оторвешься! Я напишу тебе простые и заглавные буквы. Научишься писать.

В груди его переливается горячая волна, голос переходит в дрожащий шопот.

— Пришлешь мне записочку, а я в ответ: «Милая моя Беляночка, дорогая Катенька»!

Целует в щеку девушку, она не сопротивляется. Это придает ему храбрости. Целует еще и еще... Катя вскакивает, дышит прерывисто.

— Шут этакий, чуть не задушил! Вот тебе! — тихонько ударяет по плечу и быстро убегает...

Артем опять один. Будто никого не было. Сон!.. Нет, это не сон, а самая настоящая действительность, какая бывает только в юности...

К липе подходит, мягко ступая валенками, сторож Харламий. Вглядывается в темноту:

— Кто? А, Чинков! Ну-ка, отдохну малость, жисть — не жисть. — Присаживается на скамейку.

Артем рассеянно повторяет:

— Жисть — не жисть.

— Да, браток, — говорит сторож глуховатым баском, — эту поговорку любил мой отец. Скажет, бывало, слов пяток, много уж десятков, а потом как бы напридачу, вроде довеска, — «жисть — не жисть». Привычка такая была. — Харламий, постучав табакеркой, шумно понюхал. — Помещик наш лютей собаки был. «Ты, говорит, понимаешь: «Жисть — не жисть»? Это он к моему отцу. А родитель мой смекалистый, и давай ему вола вертеть: «Барин, вашскородие, никаких смыслов не разумею, просто мужицкая привычка: язык болтает, голова не знает». — «Нет, говорит, врешь, хамское отродье. На конюшню!» Полсотни всыпали. Не помогло... Я тоже возымел отцовскую привычку, как бы по наследству.

Харламий привстал, уселся поудобнее.

— Я двадцать годов не сплю по ночам, — добро чужое стерегу. Простужен весь, кости мозжат, а какая корысть? Тринадцать целкачей в месяц. Часы механические придумали! Раз десять в ночь приходится заводить. Присядешь вот так, а в мыслях — как бы заводку не пропу-

стить. Чтоб не задремать, полосьмушки табаку в ночь вынюхиваю. Стою вон там, где горит фонарь, слышу, кто-то выходит из хозяйского дома и прямо ко мне: «Эй, старик!» Снимаю шапку. «Что угодно, Лазарь Куприяныч?» Подходит ближе. Малость покачивается, и винный запах от него, должно из гостей вернулся. «Часы заводишь?» — «Завожу». — «Так», — и усмехнулся. — «Ежли не заведешь — за ворота пойдешь». — Сторож хихикнул. — Вон как с нашим братом: ровно бы с ножом к горлу... И выходит, как родитель говаривал: «Жисть—не жисть, а маята одна». — Поднялся с места. — Так-то, браток. Пойду заводить.

II

В душной, тесной, безоконной каморке, на узких полатях крепко спит Артем Чинков. Он — подпасок. На голове дырявый картуз, ноги обуты в старые лапти, на плече кнут. Кругом овцы, коровы, свиньи. Неистово верезжит поросенок. Рыжебородый пастух, надувая щеки, играет в рожок. В синем сарафане, с длинной косой девушка лихо отплясывает, мягко притопывая босыми ногами... Бабы, помахивая хворостинками, дружно подпевают:

Не будите молоду
Рано, рано поутру...

Артем признает в пляшущей девице Катю-Беляночку. Как же это? Ведь она работает на фабрике Лазина!

Затем все изменяется. Рожок уже не рожок, а медная труба, ревущая с такой силой, что вот-вот лопнет барабанная перепонка. Артем просыпается. Ревет фабричный гудок. Быстро вскакивает Артем, садится на полатях, касаясь потной головой потолка: «Эх, как бы не опоздать!» Он чиркает серником, тьма торопливо расступается, и стрелки тикающих на стене ходиков показывают без чет-

верти четыре. Умываться некогда. Проворно одевается, застегивается на ходу, поспешно ныряет в темноту фабричного двора. А гудок, шипя и свистя, все еще надывается, точно подгоняя: скорей, скорей, а то опоздаешь!..

Артем, выгадывая время, пошел через кочегарку. Три ступеньки вверх — и Артем в машинном отделении. Паровщик Родион Шлыгин, муж его сестры, вытирая тряпкой блестящий цилиндр, бросил:

— Хотел тебя разбудить, да пожалел. Ладно, думаю, пушай минут десяток поспит.

В нагонном отделении, где работал Артем, его чуть не сбил с ног бородатый шорник Корней Иванович, на чьей обязанности лежала и осветительная часть. Он, видимо, опоздал, до начала работы оставались две-три минуты, а боковые цеха еще не были освещены.

Ворсовочный станок, на котором работал Чинков, чернел в полумраке ребрами бездействующих барабанов. Вчера он раздел свою машину догола: снял сработанное белое сукно, вынул из барабанов рамы, но снова одеть не успел. Артем засучил рукава старой молескиновой поддевки, нахлобучил на глаза картуз, прошел в угол корпуса, где стояли рядами ворсовочные рамы. Отобрал десяток прислоненных друг к другу, наклонился, привычно взвалил их на плечо. Через двадцать минут рамы введены были в оба барабана, крепко укручены веревкой по краям и законопачены посреди круглыми жгутами из кромок. Вложил в каретку сырую, только что принесенную из промывочной штуку серого сукна. Пропустил нижний конец через передний барабан. Протянул его поверх машин и так же, как вначале, пропустил через задний барабан. В каретке сшил оба конца медной иглой. Смазал шестерни и постепенно перевел ремень с холостого хода на внутренний. Барабаны, мягко шурша, плавно завертелись. От быстрого их вращения шел непрерывный гуд...

Туго натянутое сукно тянулось по ролику вверх, делая вечный круг. Артем подкрутил уравниватель, чтоб колючие шпильки, вставленные в рамы, нагоняя ворс, не могли протереть сукно до дыр. Заглянул в каретку — ровно ли кладутся ряды.

Подошел бритый нагонный мастер Рожнов. Погладил ладонью идущее по ролику сукно, определяя на осязание ворс.

— Через часик подкрути на зубчик пониже.

Нагонно-ворсовочные барабаны непрерывно гудели. Стригальные станки, ярко поблескивая винтообразными, быстро вращающимися ножами, певуче жужжали. В боковом отделении, по соседству с красильней, промывалось вышедшее из валки, густо пропитанное мылом сукно. Промывные машины своими хлюпающими звуками напоминали шум мельничного колеса.

Нижний этаж обширного корпуса находился в ведении главного мастера Малютина. На фабрику он всегда являлся в сером полупальто, застегнутом на все пуговицы, в таких же серых штанах, заправленных в длинные голенища валеных сапог. Лысую огромную голову прикрывал черный на вате блин с кожаным блестящим козырьком. Седой, но еще крепкий, он твердо шагал, глядя себе в ноги. Казалось, нет ему никакого дела до окружающих, но от его зоркого глаза ничто не ускользало! Он садился на табурет у большого стола, где проверялось совсем уже готовое сукно, и закуривал с кривым чубуком трубку. Дымя и сплевывая, он стрелял прищуренными глазами во все стороны. Насосавшись махорки, не спеша выколачивал трубку о край стола, сдувал пепел на пол и снова размеренно шагал...

Отчаянно вопит прыгающий на проволоке звонок: дринь-дринь-дринь... Мгновенье, и шум стихает. Лишь

приводные ремни тихонько потрескивают на холостом ходу. Люди, перегоняя друг друга, спешат к выходу. Молодежь пересмеивается. Старики ворчат:

— Эй, белогубые! Вам все хохоньки.

Кто-то из парней огрызается:

— Ишь какие красногубые... Дай срок — состаримся, так же будем ворчать, как вы.

Катя, изловчившись, толкает Артема в бок, он падает в кучу снега. Раздается дружный смех.

— Ай да Беляночка!

Артем, вскакивая на ноги, ухмыляется, ему приятно. Не только в снег, хотя бы в грязь. Не кто-нибудь, а Катя.

Родион Шлыгин, несмотря на зимнюю стужу, выходит из кочегарки в одной ситцевой рубашке, в опорках на босу ногу. В руках он держит два дымящихся чугунка, обернутых тряпкой.

Артем уже в каморке. Сбросил с себя поддевку, картуз. Поставил на столик глиняную чашку, положил деревянные ложки, хлеб, соль.

Обедали с огнем. Родион сидел на табуретке. Артем — на досчатой кровати. Сначала хлебали пшениный кулеш, затем ели тушеную картошку. Оба кушанья густо приправлены салом, тем самым, каким Родион смазывал паровую машину. Если речь заходила о его качестве, он доказывал, что оно не издохлых кошек или собак... И с улыбкой прибавлял:

— Чудак! Покупать настоящее гамзы нехватит. Да и зачем? Едим не первый день, и с нами ничего не делается.

И в соседних каморках обедали, гремели посудой, разговаривали. Трубокуры выползали из своих темнушек на общую крохотную кухонку, чтоб «после хлеба-соли подымить во рту». Некоторые, наскоро перекусив, умудрялись минутку-другую вздремнуть.

Родион ушел раньше. Ему нужно было вытереть машину, смазать ее.

Артем отыскал клочок желто-серой бумаги, написал карандашом: «Милая Катя, приходи после шабаша под липу. Буду ждать с нетерпением».

Задумался. Ему приходилось впервые иметь дело с подобными записками. Он не знал, как подписаться: просто Чинков — неприветливо, по-иному как-нибудь — не умел. Почесал в затылке:

— Вот загвоздка!

Вспомнил чье-то письмо за подписью: «Твой друг до гроба». Оживился. «Хорошо, очень хорошо! Стесняться нечего, я не вру».

Послунявил кончик карандаша, вывел жирными буквами:

«Твой до гроба Артем Чинков. 1900 года». Взглянул на белевший под жестяной коптилкой численник, прибавил: «Января 5-го».

III

В верхнем этаже, в задней части корпуса, над машинным отделением помещался горячий цех. В нем бесменно работал Ананий Битюков. Низкорослый, плотный парень, смуглолицый, скупой на слова. Ему иногда посылали на подмогу кого-нибудь из нагонщиков. Сегодня после обеденного перерыва назначили Чинкова. Они подвешивали мокрые сукна на железные рамы с острыми крючками по бокам и тщательно следили за кромкой, чтоб не порвать ее. Гремя и покачиваясь, рама на колесиках по одной рельсе легко вкатывалась в обширную сушилку. Ее накаливала, сверкая искрами и гудя внутри, огненный железный боров. Работали босиком, в одних рубахах.

Битюков звучно захлопнул железную дверь сушилки, устало присел на подофонник:

— Отдохнем. Голова кружится...

— У меня, Ананий, тоже, и глаза ломит. Чем не ад сушилка?

Смеясь и подталкивая друг друга, вбежали две стригальщицы. Даша, взглянув на парней, сложила губы в трубочку:

— Потные да красные, точно в бане парились. А ты что хмуришься? — Постучала Анания по плечу и сейчас же махнула рукой: — Э, да ну те! Ты всегда старик.

Схватила в охапку пышное горячее сукно, застучала полусапожками по чугунной лестнице. Катя сделала то же. Артем успел шепнуть:

— Записку получила?

— Изорвала. — И сдвинула брови: — Никогда не пиши, читать мне некому.

Катя ушла. А он стоял обескураженный. Только сейчас вспомнил, что его любимая — неграмотна. С ожесточением принялся за работу.

— Слышишь? — нахмурился Ананий. — Шаги Малютина. Под ним всегда трещит лестница.

Парень не ошибся. Главный мастер шел своей размеренной походкой, мягко ступая валенками. Остановился возле рамы, молча следя за работающими и, пожевывая тонкими, втянутыми в беззубый рот губами, небрежно бросил:

— Вы что делаете?

В голосе Малютина слышались раздражительные нотки; перед тем как притти в сушилку, вероятно кого-нибудь распекал, а может быть, самому попало от директора. Парни недоумевающе посмотрели на мастера.

— Что вы лупите бельмы? Я спрашиваю, что вы делаете?

И, не дождавшись ответа, он стал тыкать пальцем в сукно:

— Вот! вот! вот!

Зашел с другой стороны.

— И здесь кромка порвана в трех местах.

И, все больше злясь, кричал:

— Я вас научу, как беречь хозяйское добро, сволочи!

— Кто, а... мы сволочи?! — не выдержал Ананий и вплотную подступил к мастеру.

Чинков тоже приблизился к нему, готовый поддержать товарища.

Малютин не ожидал такого решительного отпора и оробел. Но все же не хотел сбавить тона:

— Что ж это вы... бунтовать задумали? Так погодите же...

Ананий поднял с полу кусок железной трубы:

— Ежели ты пойдешь в контору жаловаться — вот... видишь это? Понял, что будет?

Старик, побледнев, попятился назад.

Когда мастер, сутулясь, покинул сушилку, Ананий наскоро свернул цыгарку, залпом выкурил ее. Сказал просто:

— Давай попроворнее, а то не управимся до шабаша.

Ананий как-то вдруг вырос в глазах Артема, заставил себя уважать. Да и сам он не сожалел о происшедшем. Расчет, так расчет. Зато не струсил, не изменил товарищу.

После окончания работы Ананий с Артемом взяли узелки с чистым бельем, сошли вниз. Главный корпус отдыхал в неподвижной тишине, окутанный густым мраком. В промывном отделении тускло мерцала висячая лампа. Туда направились парни. У огромного котла, вделанного в пол, их встретил нагонный мастер Назар Степанович Рожнов. Он поплескал рукой в воде:

— Хорошо, градусов двадцать восемь — тридцать. Будем купаться.

Нагонный мастер — совсем еще молодой, только тремя годами старше своих приятелей, — дружил с ними, как с